

Когда в Лондоне шел дождь

Щеколов И. В.

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Иван Шелковов

Когда в Лондоне шёл дождь

«Автор»

2026

Шелковов И. В.

Когда в Лондоне шёл дождь / И. В. Шелковов — «Автор», 2026

Лондон встречает их дождём. Двое беглецов, чьи судьбы переплелись в непогожую ночь, ищут убежище от прошлого, которое дышит им в спину. Она — дочь аристократов, для которой слово «семья» стало синонимом клетки. Он — итальянец, отказавшийся от наследства ради свободы, но вынужденный бежать из родного Рима. В мире, где каждый шаг может стать последним, а доверие — опасной роскошью, они рискуют довериться друг другу. Но прошлое не отпускает. Когда тени родных домов настигают героев, на кону оказывается не только их будущее, но и жизни тех, кто стал для них близкими. Лондон становится полем битвы за право любить, дышать и выбирать свою судьбу. Погоня, предательство и неожиданные союзники — в этом туманном городе ничего не бывает случайным. Смогут ли они сбежать от цепей, которые тянутся из детства? Или их прошлое окажется сильнее любой попытки начать всё заново? История о том, как даже в самом мрачном месте можно найти свет, если рядом есть тот, ради кого стоит бороться.

© Шелковов И. В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Глава I. Дождь, который привёл меня к тебе	6
Глава II. Там, где тепло	9
Глава III. Parlami di te	13
Глава IV. Дела житейские	17
Глава V. В двух шагах	21
Глава VI. Слухи и перекличка	25
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Когда в Лондоне шёл дождь

Глава

Когда в Лондоне шёл дождь

роман

Оглавление

Глава I. Дождь, который привёл меня к тебе Марино

Глава II. Там, где тепло Беатрис

Глава III. Parlami di te Марино

Глава IV. Дела житейские Беатрис

Глава V. В двух шагах Марино

Глава VI. Слухи и перекличка Беатрис

Глава VII. Портрет, который не просили Марино

Глава VIII. Глазами Маргарет Беатрис

Глава IX. Шаг навстречу Марино

Глава X. Всё сначала Беатрис

Глава XI. Ещё не совсем знакомый Лондон Марино

Глава XII. Взаимная помощь и что может пойти не так Беатрис

Глава XIII. Чем гуще лес, тем страшнее тени Марино

Глава XIV. Главное, что ты рядом Беатрис

Глава XV. Работа за двоих Марино

Глава XVI. Я не позволю Беатрис

Глава XVII. Пар над кружками Марино

Глава XVIII. Дом, не милый дом Беатрис

Глава XIX. Non Beatrice Марино

Глава XX. Семью не выбирают Беатрис

Глава XXI. Я ненавижу вас Беатрис

Глава XXII. Выбор без выбора Марино

Глава XXIII. Осада Беатрис

Глава XXIV. Чемоданы, вокзал и в путь Марино

Глава I. Дождь, который привёл меня к тебе

Марино

Мерный стук колёс, запах горячей еды из соседнего вагона-ресторана, приглушённые чужие разговоры за стенкой — всё сливается в тёплый живой гомон. Долгая дорога из солнечного Рима в туманную, пропахшую чаем столицу Англии вымотала меня вконец. Веки налились свинцом, голова привалилась к прохладной обшивке, дыхание выровнялось. Многие, наверное, скажут: покидать родной дом тяжело, и надо с теплотой хранить в памяти хорошее. Но скажу вам честно: я, Марино Боргезе, за всю жизнь ничего хорошего там не видел.

Пытаюсь зацепиться за что-нибудь тёплое из дома — но перед глазами встаёт отец. Последняя наша ссора вышла особенно злой. «Семья — выше всего! Только традиции и семейное дело дают тебе право носить фамилию Боргезе!» — ага, как же. Наступать из поколения в поколение на одни и те же грабли — по-ихнему не ошибка предков, а «дань уважения к ним». Этот бред я слышал чаще собственного имени.

Стоило мне возразить, как с отца слетела вся напускная выдержка, и от его крика задрожали стены. Он скрежетал зубами — будто вилкой скребли по тарелке, — а последние слова любимого папаши подожгли и меня. Я вспыхнул, как пороховая бочка, в которую он с наслаждением бросал спички.

А дальше перепалка переросла в бурю. Мы грозили друг другу всем, чем могли. Отец обещал оставить меня без гроша и сжечь всё, что напоминало бы о единственном сыне. Ха, старый дурак! Уж я-то знаю: как бы ни бесил родителя сын, наследства он его не лишит. Откуда такая уверенность? Да оттуда, что других детей у Боргезе нет. Мать умерла, когда мне было шесть, а папаша давно разменял шестой десяток — вряд ли он ещё соблазнит хоть самую пропащую распутницу.

Так, кажется, меня занесло. Ладно — можно выдохнуть: родня осталась позади, и покончено с ней. Со мной только потрёпанный саквояж, собранный впопыхах, да упрямая вера, что в новом городе я наконец расправлю крылья. Здесь никакой старик с пеной у рта не будет доказывать мне, что судьба моя решена заранее.

Грёзы уводят за собой, сон укрывает темнотой — и где-то в груди медленно разгорается огонёк. Надежда? Да, то самое чувство, что вело меня, когда я брал билет в один конец, собирал нехитрые пожитки и думал о лучшей жизни. Тёплое солнце, ясное небо, крики чаек — всё осталось за спиной, уступив место чему-то незнакомому и оттого притягательному. Красота родного края ещё долго будет сниться мне по ночам. Но найдётся ли Англии место в моём уже тоскующем сердце? Слишком много вопросов и слишком мало сил, чтобы искать ответы сейчас. Хочется просто выдохнуть в наступающей тишине вагона и задремать перед новыми испытаниями.

Спустия пару часов пути...

— Эй, парень! — раздался над головой хриплый, прокуренный голос, и я вздрогнул спроне. — Конечная. Просыпаемся и топаем отсюда.

Неохотно разлепляю веки, тру глаза костяшками. Тело ломит — угораздило же уснуть сидя. Поднимаю взгляд и упираюсь в суровые гляделки проводника, спрятанные под кустистыми бровями. Серые, чуть стеклянные, они словно вдавливают меня в стенку. Или это я сам от него вжался?

— Siamo già a Londra...? Che ore sono...? (Мы уже в Лондоне...? Который час...?) — сам собой срывается с языка итальянский. Сон отпустил не до конца, да и от одного вида этого сурового англичанина всё внутри сжимается. Он слышит чужую речь — и меняется в лице. Брови сходятся, в голосе прорезается рык, как у пса при виде чужака.

— Чё ты сказал? Не пойму никак... — он чешет затылок, сбив набок сальную фуражку. — Лондра...? Ну да, она самая. Слушай, некогда мне с тобой сюсюкаться! Давай резче! — Его волосатая рука с закатанными рукавами тянется к моему чемодану, и я перехватываю её, вцепившись в предплечье. Проводник тяжело выдыхает, вскидывает на меня злой взгляд — и по лбу ползёт испарина. — Смелый, я погляжу? Или деньжат лишних накопил, на штраф за задержку состава?

Вот оно! Деньги! Шанс откупиться и избежать проблем.

— Деньги...? — неуверенно повторяю я, вороша в памяти жалкие остатки уроков английского. — Sì, sì... Деньги иметь. — Хлопаю себя по карманам пыльных брюк. — Momento...

Пальцы ныряют в задний карман вельветовых штанов и вытаскивают жухлый бумажник. Пока я торопливо выуживаю пару купюр, мужик бурчит: «Иностранцы... Дома вам не сидится...» Справедливости ради: у стоящего рядом господина пара шрамов на костяшках и ещё один — на нижней губе. При всей моей пылкости и вздорности ссориться с таким мне совсем не хочется. Зубы обратно вставлять медицина ещё не научилась, а на золотые у меня нет денег. Протягиваю ему ладонь с банкнотами и смотрю почти с мольбой — отстань уже.

— Это чё? — недоумённо и с ноткой раздражения спрашивает он.

— Деньги, — отвечаю просто, уже не понимая, кто из нас двоих больший осёл. — Итальянский лира.

— Какая ещё к чёрту лира?! — скрипит зубами проводник и бьёт меня по руке так, что купюры сыплются на грязный пол. — Фунты! Фунты стерлингов! На кой мне сдались твои итальянские бумажки?!

Присаживаюсь на корточки и собираю деньги у его ног. Тянусь за купюрой из-под грязного носка туфли — и в нос бьёт немыслимое амбре пота и нестираного тряпья. От этого запаха, хуже, чем из овчарни, желудок скручивает в узел. А осёл-то, если честно, я. Как можно было при переезде в чужую страну не поменять деньги? Дурак, Марино, ой дурак.

— Я прошу прощения... — выдыхаю себе под нос, опустив глаза на заляпанные половицы вагона. — Простите. Я забыть...

Сгребаю деньги, запихиваю в бумажник и хватаюсь за ручку чемодана. Проводник фыркает, но пропускает — и почти любезно выпроваживает меня на перрон.

На улице меня встречает та самая лондонская погода, о которой только и мечтать ночью. Если ты, конечно, в тепле. Ветер бьёт в лицо, морось на глазах превращается в ливень, одежда набухает и липнет к телу, а от угольной гари из паровозной трубы дерёт в лёгких. Расправляю плечи, оглядываюсь — и не вижу ни души. Ни железнодорожников у состава, ни служащих на местах: в окнах станционной конторки темно. Ни одного пассажира. Сколько же я проспал, если вышел самым последним?

Ни шиллинга в кармане, ни малейшего представления, куда идти. Спрятаться от дождя негде. Улицы точно вымерли, и лишь где-то вдалеке процокали по камню и стихли одинокие копыта. Меня трясёт — от холода и от того, что я вконец заблудился в чужом городе.

— Bravo, Marino... (Браво, Марино...) — шепчу себе под нос, обхватив плечи, и наугад делаю шаг с чемоданом в руке. — Но dovuto dimenticare di cambiare i soldi... Idiota... (Надо же было забыть поменять деньги... Тупица...)

Бреду по каменной мостовой с одной-единственной целью — найти к ночи хоть какое-то тепло. Редкие газовые фонари чадят в тумане, роняя на мокрую мостовую мутные жёлтые круги, а в сыром воздухе висит запах угля и остывшего камня. Мысли о четырёх стенах, мягкой постели и книге в руках греют разве что душу. С мокрых волос за шиворот сползают ледяные струйки. Ботинки цепляются за кривую брусчатку — будто и город норовит утянуть меня под землю. И ведь я даже примерно не знаю, где тут ближайшая гостиница. Отец, помню, говорил о каких-то «связях в Лондоне» — да я лучше сдохну под забором, как пёс, чем пойду на поклон.

Старые туфли стучат по мокрому камню, глаза жадно выхватывают проблески света в окнах. Вся надежда — на добрых людей, которые пустят меня и дадут кров до утра. Но чем дальше я иду, тем яснее понимаю: если помощь где-то и рядом, то она крепко спит.

«Andrà tutto bene, Marino... (Всё будет хорошо, Марино...)» — твержу про себя, сам себе почти не веря. Отдельное спасибо этому дивному городу за прелестную застройку — вот только куда в ней идти, знает один чёрт. Сворачиваю направо, потом налево, иду прямо... и каким-то дьявольским образом снова выхожу к тому же перекрёстку, где в тупичке отсыпается бродяга. Стоит повернуть обратно — из темноты мне под ноги выкатывается пустая бутылка, а следом с воплем шарахается кошка. — Non быть хорошо...

А вспомню Рим и тамошний народ — и невольно улыбаюсь. Люди там до того радушные, что зайдя сейчас в ливень человек с чемоданом и попросись переждать — его пустят и лишних вопросов задавать не станут. Здесь же меня встречал от ворот поворот. Мужичьё выходило со сковородой, женщины переговаривались через щель, а ворчливые старики и вовсе не отпирали — швыряли в меня то ботинком, то кочергой: «Проваливай отсюда!» Надежда во мне тлела, гасла и оседала глухой злостью. Пальцы заоченели до бесчувствия. Ветер, как назло, дул в лицо и приклеивал мокрую рубаху к коже.

— Maledetta questa pioggia, questa notte e questa dannata Londra... (Будь проклят этот ливень, эта ночь и весь этот чёртов Лондон...) — бормочу себе под нос, стуча зубами. Неужели затея и впрямь была дурной? Может, старик был прав, и я ещё слишком зелен для таких бунтов?..

...Нет. Не время опускать руки. Пусть я молод и не семи пядей во лбу — но Марино Боргезе ещё ни разу не пожалел о том, что сделал, и не пожалеет впредь! Тем более впереди уже брезжит маяк: трёхэтажный дом красного кирпича с жилой мансардой, и на первом этаже теплится слабый свет. Вполне себе милое местечко — этажи отделены каменными карнизами, по углам жмутся выступы бывших колонн, кое-где оконные створки в резных наличниках. Набираю полную грудь воздуха, расправляю плечи и шагаю к массивной двери. Озираюсь... Mio Dio, что здесь стряслось?! И с чего только начать описывать этот разгром посреди улицы: по мостовой раскиданы ящики и обломки поддонов, на ступенях под козырьком валяется брошенный плащ, а вдаль ковыляет хромая лошадь. И, судя по виду, скотинка не из дешёвых. Голову даю на отсечение: по всему Риму сыщется от силы полдюжины таких белых красавцев, да и тех прячут от чужих глаз. А тут этакая редкость разгуливает по улице сама по себе. Как ни крути, передо мной либо последствия недавней драки, либо развязка какого-то анекдота, в котором дорогая лошадь скрывается за углом.

Ладно, не суть. Встряхиваюсь, ставлю чемодан у ног и — медленно, но настойчиво — стучу в подъездную дверь. Твёрдо решил напроситься на ночлег хоть к кому-нибудь. Не хватало ещё гордо окоченеть в луже.

Тук. Тук. Тук.

Глава II. Там, где тепло

Беатрис

— Сука, лошадь украла! —

— Ловите её, что встали столбами?! Не дайте уйти! —

— Все за белой кобылой!

Сердце колотится где-то у самого горла. Дом уже далеко за спиной, но чувство погони всё равно не отпускает. Я лечу в седле, не разбирая дороги, и боюсь обернуться. Крик отца, надменный смех сестры, едкие слова брата — всё это преследует меня сквозь ночь, заглушая и шум дождя, и собственные мысли. Губы, как мантру, шепчут одну-единственную мольбу: пусть это прекратится. До сих пор не верю, что смогла вырваться из дома, который был хуже Содома. Дороги больше нет — есть только лошадь подо мной, и сейчас она одна настоящая. Не дай Бог поймают. Уж лучше бы сразу вздёрнули на балке в спальне. «Беатрис, ты позоришь род! Беатрис, будь уважительнее к сестре! Брат такой любящий — почему от тебя одна клевета?»

Собственное имя давно стало для меня оскорблением. Стоит отцу или матери произнести «Беатрис!» — и следом непременно польются упрёки. Унижение, слёзы... Порой казалось, что душа вытекает из меня вместе с ними: так часто вечера кончались рыданиями.

И всё же дорога впереди наконец проступает — а точнее, баррикада из поддонов и ящиков в конце узкой улочки.

— С-стой!.. — кричу я, изо всех сил натягивая поводья, но кобыла не слушается. С жалобным визгом она влетает в кучу деревянного хлама — и мир переворачивается вверх дном. Щека вжимается в ледяную брусчатку, дождь колотит по спине. Плечо глухо бьётся о мокрую мостовую, спина проезжает по брусчатке: будто по хребту сперва ударили молотом, а потом содрали кожу пемзой. Из лёгких выбивает весь воздух, но боль пробивает пелену паники и почти отрезвляет.

Приподнимаюсь на локте, судорожно озираюсь. Никого. Не погнались? Потеряли меня в темноте? Пусть бы ливень и мрак прогнали их обратно... Сбоку слышится тяжёлое фырканье: лошадь с трудом встает и, припадая на заднюю ногу, ковыляет прочь. Я поднимаюсь, прижимаю ноющую руку — под кожей уже наливается синяк со спелую сливу. Белая блузка превратилась в грязное тряпье, подол чёрной юбки разорван, плащ на плечах отяжелел от воды.

Куда гнал меня страх, ведя за руку? Что мне делать дальше? Господи, прости, — я ведь даже не знаю, куда идти! Раньше можно было укрыться в церкви святой Патриции или на чердаке у дядюшки, но отец с братом всё испортили: врата божьего дома для меня закрыты, а дядя «уехал на неопределённый срок»... И только в одном месте меня искать не станут — у подруг. О Маргарет и Луизе я говорила редко, боясь, что семья доберётся и до них; мать, похоже, вовсе забыла об их существовании. Остаётся молиться, чтобы дом 13/2 так и остался невидимым в бесконечной тесноте этого города. И слава Богу, что именно на его пороге я сейчас стою. Видно, мольбы мои всё-таки долетели до небес — и Господь дал моей лошади верный ориентир.

— Мар... Маргарет! — выдыхаю вполголоса. — О-открой, прошу! Луиза!

Ноги сами несут меня к двери под козырьком. Кулак колотит по дереву — откройте же. Но никто не отзывается. Проблеск надежды мешается с не отступившей паникой, и я уже не понимаю, смеяться мне или рыдать.

— Луиза! Маргарет! — горло саднит от крика. В голосе прорезаются те самые истерические нотки, что знакомы мне с детства. — Умоляю, впустите! Я... Мне... Мне нельзя здесь одной!

Слова путаются, тонут где-то внутри. Руками отчаянно колочу в дверь, а спиной... Спиной чувствую дыхание отца. Затылок жжёт незримый взгляд матери. Мне уже мерещится стук копыт под братом или сестрой. Они рядом. Или уже здесь.

Наваливаюсь на дверь, дёргаю ручку, скребусь в неё, как кошка. Ну почему она не поддаётся?! Почему Маргарет и Луиза меня не слышат?!

— ОТКРОЙТЕ!

Тишина — а потом тихо щёлкает шпингалет, и дверь распахивается. Я больно падаю коленями на дощатый пол подъезда, со свистом втягиваю воздух сквозь стиснутые зубы. В подъезде спёрто и тепло, пахнет пылью и чужим жильём — после ледяного ливня это почти уютно. Плащ, накинутый кое-как, соскальзывает с плеч на ступени. В полумраке общего коридора я нахожу перепуганные, растерянные лица Маргарет и Луизы. Без единого слова, с одной лишь дрожью в губах, подползаю к босой ноге Луизы и вцепляюсь в неё, стягивая вниз шерстяной носок.

— Беатрис! Тише, тише... — Маргарет опускается рядом на колени, и её лёгкая рука ложится на моё дрожащее плечо. Жест тёплый, но я всё равно инстинктивно вздрагиваю и вскидываю на неё зарёванные, перепуганные глаза. — Что с тобой стряслось, девочка моя?..

Вопрос звучит по-матерински — а ведь от родной матери я такого не слышала ни разу.

— Я-я... О-они меня... О-о-отец... Он найдёт меня... — слова тонут в котле испуга и никак не складываются в мысль. Маргарет поднимается и захлопывает входную дверь. Щелчок замка отзывается во мне слабым звоном церковного колокола. Успокаивающим.

— Всё, дверь закрыта. Видишь? — Луиза кивает на запёртый подъезд и пытается поднять меня за плечи. Я кое-как приподнимаюсь на ноющих коленях, поджилки трясутся — не то от холода, не то от паники. С губ срывается тихий стон. — Где болит? В коленях? У тебя уже синяки... — озабоченно говорит она.

— Д-да... Я перед этим с лошади упала... — шепчу, идя за Маргарет к двери её квартиры. Она берётся за ручку и смотрит на меня глазами, полными жалости и тревоги. Я не раз делилась с ней бедами семьи; а уж если появлялась на пороге — значит, беда совсем страшная.

— С лошади?.. — тревожно переспрашивает Маргарет. — Бедная... Как ты только ничего не сломала. Чудо...

Я не отвечаю — лишь сглатываю ком и переставляю ноги. Луиза бережно поддерживает меня под руки, а Маргарет придерживает дверь, чтобы я спокойно вошла. В её глазах я читаю немой вопрос: «Что опять решила за тебя семья?»

У самой двери Луиза отпускает мою руку, и я всем весом приваливаюсь к косяку, чтобы...

Тук. Тук. Тук.

Эти три удара разом гасят едва затеплившийся огонёк надежды. Все мы оборачиваемся к запёртому подъезду и замираем. Тело само оседает на пол, немея до кончиков пальцев. Луиза заслоняет меня собой, что-то шепчет в утешение, но перед глазами уже стоит яркая картина: стоит Маргарет открыть — и внутрь ворвутся цепные псы, разорвут подруг, как два сочных куска мяса, а отец будет смотреть на это со стороны. Только не снова. Только не его тяжёлый взгляд. Я не слышу ни слов, ни ливня за стеной — лишь вижу, как Маргарет решительно выдыхает, хватая длинный рожок для обуви и шаг за шагом идёт к двери. Она прижимает нелепую железку к груди, будто это разом и щит, и меч. Встаёт вплотную к стене.

— К-кто там? Вы вообще знаете, который час?! — голос её дрожит, пальцы стискивают рожок до белизны в костяшках.

— Простите меня... — доносится с той стороны виноватый, усталый голос. — Я понимаю, что время не самый хороший... Но мне надо помощь...

Этот акцент... От этого исковерканного английского пелена страха и паранойи идёт тресинами. Это не грозный голос отца, не колкости брата, не насмешки сестры. Это кто-то совсем

чужой — и от его пока неясного облика ком в горле сам собой слабеет. Я подаюсь чуть вперёд и вижу, как Маргарет приоткрыла дверь и переговаривается с незнакомцем через щель.

— Иностранец?.. В ливень просит помощи? Ты в Лондон приехал — или куда? — недоверие Маргарет понятно: город полон приезжих, а от чужих лиц веет страхом. Первые полосы газет давно пестрят не скучными заголовками, а новыми жертвами убийц. Но... на маньяка этот молодой человек не похож. Высокий, худой, со светлыми, прилипшими ко лбу волосами и... глазами. Как два небесных озера.

— Я-я приехать в Лондон... Н-но попасть в беду, и мне нужна помощь. *Per favore* (пожалуйста), дайте объяснить... — «*Per favore*»? Он извинился на... итальянском? Ну конечно, — по акценту и ошибкам можно было догадаться сразу.

Щёки Маргарет розовеют от злости и всей этой нервотрёпки. Она видит настырного мокрого чужака, что ищет помощи там, где её заведомо не подадут. А я... я вижу просто промокнувшего до нитки человека, уставшего от нелепицы этого вечера и мечтающего лишь передохнуть. Как странно и как понятно перекликается это с моим собственным желанием.

— Ишь ты, «объяснить» ему! — Маргарет пытается захлопнуть дверь, но грязный носок лакированного ботинка не даёт. — Кыш отсюда, кому говорю! Нет для тебя тут помощи!

— Вы даже шанс не давать! Я пройти полгорода, чтобы просить помощь! — оба уже почти срываются на крик. — И если вы отказать, моя смерть будет на ваша совесть!

— Да хоть сейчас падай замертво — не до тебя мне! — отвечает Маргарет, тыча ему в грудь концом рожка.

— *M-Margaret, n-non essere così scortese...* (М-Маргарет, н-не надо так грубо...) — слышу я собственный слабый голос — по-итальянски, чтобы хоть как-то разрядить обстановку. Маргарет ошарашенно замирает, Луиза не знает, чью сторону принять, а человек в дверном проёме... широко распахивает глаза. Я осторожно поднимаюсь с пола, делаю шаг вперёд — и утыкаюсь в спину Луизы. — *Sei italiano...? Hai bisogno di una stanza...?* (Вы итальянец...? Вам нужна комната...?)

— *Sì, sì! Vengo da Roma!* (Да-да! Я из Рима!) — оживляется незнакомец и пытается шире приоткрыть дверь. За спиной у него нет оружия, на поясе — ни намёка на кобуру. Опасен этот человек разве что вспыльчивым нравом, но и тот больше похож на шипение рассерженного котёнка. И, глядя на него, я вдруг ловлю в себе непривычное желание — помочь. Видно же, что он вымотан долгой дорогой под дождём и поисками угла. Откажем — и станем такими же, как вся серая толпа лондонских грубиянов, что побоялись впустить чужака.

Я смотрю на Маргарет. Ноги понемногу твердеют, и под тонкой подошвой туфель снова чувствуется пол.

— М-Маргарет, нам нужно его впустить, — выдыхаю я.

— Чего?! Ты с ума сошла! — она всплёскивает руками. Ждать от неё мгновенного согласия не стоило — это её квартира, ей и решать; но повлиять на решение я всё-таки могу. — И кто это «мы»? Не стану я стелиться перед каким-то итальяшкой! Мало ли — вдруг он удавку в чемодане возит!

— Что за вздор! — доносится от незнакомца.

— Маргарет, ну ты посмотри на него... — я делаю шаг к ней, не слушая Луизу, и её пальцы соскальзывают с моего предплечья. — О-он безобиднее мухи в супе! Прошу тебя, пожалуйста...

Маргарет тяжело вздыхает. Взгляд её мечется от мокрого человека ко мне, потом к Луизе — она явно ищет в ней поддержки. Та стоит у входа, обхватив плечи, и поёживается от холодного воздуха с улицы. Наконец Луиза поднимает на нас глаза, и её сухие губы размыкаются.

— Ну... может, он и правда не такой уж опасный?.. — шепчет она, но в тишине эти слова звучат громче любого крика. Маргарет фыркает и опускает рожок. Взгляд её скользит по мне — вид у меня сейчас, наверное, совсем жалкий: растрёпанная одежда, опухшие от слёз глаза,

дрожащий голос не прибавят весу ни единому слову. И всё же Маргарет сдаётся. Со смиренным вздохом она делает шаг назад, освобождая проход.

— Ладно, — цедит она с досадой. — Ладно, пусть ночует... Но только ради тебя, Беатрис. — Последние слова Маргарет роняет почти шёпотом и уходит к себе, подхватив Луизу под руку. Меня же кольнула странная смесь неловкости и стыда: явилась среди ночи, перебудила весь этаж и надавила на жалость — и всё ради того, чтобы пустить на порог незнакомца. В горле застряли слова благодарности и извинений, но выговорить их не выходит. Я просто застываю, глядя вслед уходящим подругам.

— Спасибо вам... — слышу за спиной облегчённый вздох. — Я так вам благодарить... У вас большой сердце.

— *Per favore, non c'è bisogno di ringraziare...* (Прошу, не стоит благодарности...) — отвечаю я, смущаясь. И отчего только щёки заливают краской? Кажется, за этот бесконечный день я совсем потеряла голову. Шагнув к двери подруг, я всё же протягиваю итальянцу руку. — Как вас зовут?..

Он смотрит на меня голубыми глазами и мягко улыбается — и часть тяжести сама сходит с моих плеч.

— Марино. Я Марино Боргезе... — отвечает он, и имя его звучит для меня чем-то новым, певучим, освобождающим. Марино по фамилии Боргезе — человек из далёкого Рима, без единого шиллинга в кармане, зато с очень выразительной улыбкой и хромым английским. Его ладонь неспешно ложится в мою — и мы вместе переступаем порог квартиры...

Глава III. Parlami di te

Марино

Керосиновая лампа слабо освещает тесную кухню. В её свете кружится мелкая пыль и медленно оседает на стол. На полке теснятся разномастная посуда, а из угла тянет сыростью и подмокшей штукатуркой. Передо мной чашка тёплого чая — пар поднимается и тает в полумраке. Мокрая рубашка всё ещё холодит и мерзко липнет к рёбрам. Пальцы стискивают колени, унимая дрожь. Хозяйка квартиры, Маргарет, — её имя я выхватил из перепалки в коридоре — стоит в углу, привалившись спиной к стене и скрестив руки на груди. Уже пятую минуту она не сводит с меня глаз, и молчание её страшнее кладбищенского. Рядом, на шатком стуле, сидит Луиза — эта представилась сама, когда впускала меня.

— С-спасибо, что решили меня приютить... — выдавливаю я, стуча зубами и стараясь не сгибаться под взглядом Маргарет. Она резко выдыхает через нос, как бык при виде красной тряпки. Реакцию, впрочем, понять можно. Наверное...

— Угу... — тянет она, не отрывая от меня глаз. — Лучше Беатрис благодари. Не будь у неё доброго сердца — не сидеть бы тебе на моей кухне...

Беатрис. Единственная, от кого здесь веет теплом. Она сидит на другом конце стола и глядит вниз, разглядывая свои ноги. Стоило Маргарет её упомянуть, как на щеках этой тихони проступил слабый румянец. Видно, робеет от внимания или просто слишком застенчива. В наступившей тишине Беатрис вздыхает и обхватывает кружку ладонями. Большой палец скользит по краю, медленно гладит его — будто боится сделать чашке больно. От этого почти детского жеста мои губы сами трогает улыбка. Позволяю себе рассмотреть её и слегка стыжусь собственных мыслей. Она и вправду мила: невысокая, с длинными каштановыми волосами и янтарными глазами, что слабо светятся на просвет. А веснушки на переносице — это уже совсем по-детски трогательно.

Я слегка подаюсь в её сторону, пытаюсь поймать взгляд.

— Grazie... (Спасибо вам...) — шепчу по-итальянски, добавляя в голос нежности. — Sei una ragazza molto gentile... A differenza di altre donne sospettose... (Вы очень добрая девушка... В отличие от иных подозрительных особ...)

От последних слов с её губ срывается лёгкий смешок. Беатрис прикрывает рот ладошкой, пряча растущую улыбку. А в груди у меня приятно ёкает — сразу от двух вещей. Во-первых, я, кажется, всё ещё обаятелен и мил, каким был всегда. Во-вторых, я сумел её рассмешить. И это — самое приятное за весь вечер.

— Lei sa essere gentile, credimi... (Она умеет быть доброй, поверьте...) — тихо отвечает Беатрис.

Маргарет заметно ёжится. Взгляд её жжёт мне затылок всё сильнее, зубы скрипят — так крепко она их стиснула. Выпрямившись, как статуя, она отлипает от стойки и делает шаг к нашему столу.

— Что он сказал? Бетси, что этот итальянец сказал?! — голос её резкает, наливается раздражением. Беатрис пытается стереть с лица улыбку, но её остатки всё ещё дрожат в уголках губ. Сплотнув ком, она снова опускает глаза себе под ноги.

— Н-ничего! — выпаливает она на полтона выше. — Он сказал, что ты... очень гостеприимная...

Верится в это слабо — на месте Маргарет я бы и прогнозу погоды из уст Беатрис не поверил, — но, как ни странно, хозяйка не допытывается. Она шагает к стулу, где уже спит Луиза, и кладёт руку ей на плечо. От неожиданного прикосновения сонное тело вздрагивает. Заправив за ухо выбившуюся кудрявую прядь, Луиза пытается вступить в разговор так, будто участвовала в нём с самого начала.

— Так вы... из Рима?... — сладко зевая между словами, спрашивает она. — А в Лондон-то зачем приехали?..

— Я... искать новое место. Подальше от моя семья... — выдавливаю я, лавируя между правдой и нежеланием выкладывать всю историю. Скажи я сейчас всё как есть — и вот он, обратный билет на улицу, что тонет в ливне. — Сильная ссора. Я не хочу больше их видеть...

На последнем слове мы встречаемся с Маргарет взглядами. Её глубокие зелёные глаза смотрят прямо в мои. Она будто читает меня вдоль и поперёк, выискивая ложь или второе дно. Но, поджав губы и цокнув языком, лишь устало вздыхает.

— Ладно, Луиза... — говорит она, не отрывая от меня взгляда. — Пойдём-ка спать... Нам завтра в колледж. А этих оставим здесь... Не вижу ничего дурного в мокром парнишке... Но, если что, я рядом... — Последние слова Маргарет цедит сквозь зубы. Луиза лениво поднимается, чуть не опрокинув стул, и, взяв хозяйку под руку, бредёт прочь, бормоча что-то про «зачёт» и «недописанные лекции».

Дверь за ними медленно затворяется под стон ржавых петель. На кухне остаёмся только я и Беатрис. Её взгляд прикован к щели, что осталась после ухода подруг. Дыхания девушки не слышно — будто она нарочно затаила его, вслушиваясь. Я и сам не замечаю, как наостряю уши и начинаю дышать глубже. И, поверьте, здесь на удивление... тихо. Слышно, как поскрипывают половицы этажом выше, как стучат капли о наличники, как за стеной шаркают шаги и глухо переговариваются двое — Маргарет с Луизой уходят в спальню. Скрипят кровати, и я невольно выдыхаю. Напряжённая была беседа.

Перевожу взгляд на Беатрис — и она тут же вскакивает со стула. Едва не падая на колени перед кухонной тумбой, распахивает дверцы и принимается что-то там двигать. Руки её разгребают завалы кастрюль, консервов и прочей утвари. Я склоняю голову набок, пытаюсь понять, что она ищет, но без толку. Тихое звяканье посуды кажется сейчас громче выстрела над ухом.

— Куда она их спрятала?... Всегда же здесь лежали... — бубнит она себе под нос, зарываясь глубже. — Неужели... А, вот!..

Подавшись назад, Беатрис достаёт и протягивает мне... сложенную стопку полотенец. Больших и маленьких, из тех, что для бани да купели. Махровая ткань ложится на стол рядом со мной. Мои пальцы неуверенно берутся за верхний край, будто спрашивая дозволения.

— Прошу, это вам, — шепчет Беатрис, снова садясь напротив. — Простите, что не предложила раньше... Это вещи Маргарет, а она не любит давать своё знакомцам...

Руки тонут в сухом тепле ткани. Волосы из мокрых становятся просто влажными. Осторожно промокаю лицо и предплечья, невольно вздрагивая. Бросив сырое полотенце на спинку стула, беру другое, побольше, и набрасываю на плечи, расправляя их.

— Спасибо вам... — тихо говорю я, хотя это лишь малая доля моей благодарности. Беатрис молча кивает и чуть крепче сжимает кружку. Сухие губы её приоткрываются, словно не решаясь издать звук.

— М-Марино... — окликает она. — В-вы... не расскажете о себе?... Почему вы сбежали от семьи?... Я-я пойму, если вы устали!

«Почему вы сбежали от семьи? Расскажите о себе». Вот уж вопросы, на которые мне не хочется отвечать никому. Но промолчи я сейчас — и Беатрис заподозрит неладное, учует ложь. Обхватываю кружку с остывшим чаем, подношу к губам и делаю глоток.

— Семья... — тяжело вздыхаю я. — Они хотят воспитать во мне старые взгляды. Чтобы я делал те же ошибки, что и они...

Перед глазами в который раз встаёт мой последний громкий визит к отцу. Тот день будто вчера, хотя минуло уже трое суток. Помню, как он сидел в кожаном кресле, скрестив руки. Кабинет тонул в табачном дыму и запахе старой кожи, а за окном звенел жаркий римский полдень. В зубах дымилась трубка, в глазах стыла злость, от которой кровь леденела в жилах. Каждое его слово было отчеканено и грубо вбито в моё самолюбие. Он хотел сделать меня

частью своего мира — того самого жёсткого мира, в котором вырос когда-то сам. Но после последнего его крика моё терпение лопнуло. Я осыпал его отборной бранью, бросил, что не вернусь никогда, и убежал, не оборачиваясь на угрозы. Никогда туда не вернусь.

— Ненавижу их... — скриплю зубами, сжимая кружку так, что ноют костяшки. — Глупые утки...

На последнем слове я отрываю взгляд от стола и поднимаю его к Бетси. Она с интересом слушает мою скупую, сухую ненависть, а потом... улыбается? Что смешного в моей истории? Или улыбку вызвало что-то другое?

— Утки?.. — недоумённо переспрашивает она. — В-вы... — Беатрис поджимает тонкие губы и улыбается всё шире, силясь сдержать смех. Что я такого сказал? — М-Марино, вы, может быть, хотели сказать «глупые ублюдки», а не «глупые утки»?

Плечи девушки задёргались в тихом, почти беззвучном смехе. Моя нелепая оговорка всё-таки рассмешила её — пусть и не так звонко, как хотелось бы. В уголках глаз Беатрис заблестела влага, улыбка растянулась до ушей. Я и не замечаю, как сам робко ухмыляюсь.

— У меня плохо с английским... — оправдываюсь я, стараясь не покраснеть.

— Ничего, всё хорошо... Я вас прекрасно понимаю, — отвечает она, смахивая с левого глаза слезинку смеха. — Мой итальянский тоже не так хорош, как хотелось бы.

— Вы изучать иностранные языки? — заговариваю я, чтобы поддержать беседу. — Зачем это?

— Н-ну... — тянет Беатрис, отводя глаза. По шее ползёт краснота, прямо-таки кричащая о смущении. — Я учусь в колледже на лингвиста... Э-это просто интересно. Некоторые языки так красиво звучат...

— Вы покраснели, — замечаю я, закидывая ногу на ногу. — Не любить говорить о себе?

— Просто не привыкла, — с печальным вздохом отвечает она. Взгляд её делается меланхоличным, и я почти жалею, что задал этот, возможно, слишком личный вопрос. Беатрис перебирает большими пальцами и снова поднимает на меня глаза. — Марино, а вы... что станете делать, когда настанет утро?..

В словах сквозит какая-то робкая надежда — будто моё исчезновение поутру её огорчит.

— Пойти искать свой дом, — я стараюсь развеять тучи, что собираются над нашими головами. — Исчезну, как тьма на рассвете... Найти тёплый и дешёвый угол, поступить в художественную академию... Я, может быть, хотеть погостить у вас подольше...

— Но Маргарет такого не одобрит, — понимающе заканчивает Беатрис. — Тогда... желаю вам удачи.

На её лице расцветает подобие улыбки. И, честно сказать, мне самому немного грустно от того, что встреча наша мимолётна. Не будь дождя да возможности сойти с поезда чуть раньше — я оказался бы совсем в другом месте. Хотя чем плохо и нынешнее — вопрос открытый.

— Беатрис, вы... — начинаю я, замаявшись перед вопросом. — Вы позволить задать один вопрос?..

— Конечно, — отвечает она, откидывая голову к стене и скрепя руки на груди. — Что вам интересно?

— Почему в такой плохой день... вы не дома, а у ваш друзья? — последние слова входят её в... не знаю, как описать это состояние. Беатрис резко распахивает глаза и сглатывает большой ком — это видно по движению горла.

— В-в какой-то степени, Марино, наши судьбы схожи... — с кривой усмешкой отвечает она. — Семья долго меня мучила... Я была... н-нежеланным ртом в доме.

Слова «нежеланный рот в доме» сдавили мне и желудок, и горло. Пусть я и не знал отцовской нежности — старик старался как мог, — но не быть даже в планах собственной родни, знать, что ты лишний... это жутко и несправедливо. Виноват тут кто угодно, только не Беатрис.

— Простите, что задать этот вопрос... — извиняюсь я, боясь поднять на неё глаза.

— В-всё хорошо! Правда... — отвечает она, но в голосе дрожат подступающие слёзы. Скатиться по щекам она им не даёт — но старая рана снова открылась и заныла.

Остаток ночи мы провели молча, за чаем. Беатрис под тиканье часов привалилась к стене и прикрыла глаза, а я всё не мог сомкнуть век от её слов о нежеланном ребёнке. Что-то оборвалось у меня внутри. Чувство вины не давало уснуть, сердце медленно, но гулко стучало где-то в горле. Когда за окном забрезжили первые лучи, я постарался вести себя тихо, как мышь: отодвинулся от стола, подхватил чемодан и неслышно вышел, оставив после себя лишь пару строк, наспех набросанных на бумаге и подсунутых Беатрис под нос.

«Спасибо, что приютили меня. Безмерно благодарен за гостеприимство и славный разговор. Держу слово и ухожу с первыми лучами. Не печальтесь о семье — они просто не заслуживают такой прелестной дочери, как вы. Ваш одноразовый друг, М. Боргезе.»

Глава IV. Дела житейские

Беатрис

Мне снился... поистине чудесный сон. Такой сладостный и тёплый, что не хотелось открывать глаза. Вот я стою посреди незнакомой площади. Вокруг — множество юных лиц; все улыбаются и машут мне. Солнце высоко в небе, редкие белые облака огибают его, не роняя теней. Вдруг ко мне подходят люди и устремляют взгляды куда-то мне за спину.

На что они смотрят? Я оборачиваюсь с лёгкой опаской — и передо мной вырастает огромное здание. Не просто дом, а настоящий венец зодчества. Широкое, в два этажа, оно похоже на старый дворец: стены держат резные колонны, каждое окно в обрамлении, крышу венчает затейливый орнамент. А на фасаде — человек. Он стоит в колеснице, которую влекут морские твари.

И вот у самых моих босых ног возникает... фонтан! Мраморные скучные изваяния во дворе отца, которые он тоже звал фонтанами, я видела не раз — но этот был иным, живым. По невысоким скалам струилась вода и собиралась в маленьком рукотворном озере. Звонкое журчание ласкало слух, дыхание само замирало — так отрадно было смотреть.

А отступив на шаг, я понимаю, на что смотрю. Да это же великий фонтан Треви! Я видела его на гравюрах в учебниках и старых архивах нашего колледжа! И фигура в колеснице — вовсе не случайная статуя, а сам Нептун, и колесница его — в виде морской раковины...

— Беатрис! — ну конечно. Всё хорошее вечно обрывает голос Маргарет, что появляется не вовремя.

Я лениво разлепляю веки и озираюсь. Та же кухня, та же чашка остывшего чая. Ничего не изменилось... кроме трепета внутри. Я сбегала, я свободна. Нет больше вечного страха перед братом, нет отцовской тирании, нет сестринского гнёта. Всё, что когда-то носило клеймо «семья», кануло в воду.

Улыбка сама растекается по лицу. Без всякой причины — просто хочется улыбнуться новому дню и туманной, но солнечной погоде. Маргарет уже на ногах, руки в боки. На ней фиолетовая ночная сорочка с бахромой по подолу.

— Доброе утро, беглянка, — с незлой усмешкой говорит она, дрогнув уголком губ. — Какие планы на сегодня?

В голове роятся мысли. Можно сходить одной на рынок, поискать работу, восстановиться в колледже. Но сейчас всё это кажется второстепенным.

— А где... Марино? — неожиданно для себя спрашиваю я.

— Этот кудрявый? Мне-то почём знать, — отрезает Маргарет, перекладывая руки с боков на грудь. — Проснулась — а его и чемодана нет. Ну и ладно. Невелика потеря. Только записку и оставил, да мокрые полотенца на стуле...

— Уже нет?.. — с досадой переспрашиваю я. — А что за записка?

Маргарет кивает на стол. Сперва я не замечаю ничего, кроме собственной тени да кружки, — но под её дном белеет уголок бумаги. Потянув за него, вправду достаю слегка помятую записку. Слова набросаны так резко и размашисто, будто он писал второпях. Читаю раз, другой — и выдыхаю. Нет, не с облегчением. Ироничная подпись «одноразовый друг» словно ставит крест: больше мы вряд ли увидимся.

— Ты расстроена? — удивлённо спрашивает Маргарет.

— Немного, — пожимаю плечами и дважды складываю бумажку пополам. — Всё-таки... он был интересным собеседником. Есть лёгкая грустинка.

Маргарет лишь фыркает и машет рукой — мол, не такой уж он и интересный. Она подходит к плите и принимается искать что-то на верхних полках, а я сжимаю сложенный клочок и перебираю в уме, что надо сегодня успеть.

— Ты сегодня, если что, без завтрака, — вдруг бросает она.

— Что? Почему?! — я обиженно надуваю нижнюю губу.

— Потому что нечего раздавать всяким проходимцам мои вещи! — Маргарет резко хлопает дверцей антресолей и оборачивается ко мне. — Кто вчера всю кухню разворотил?! Да ещё нашими полотенцами дала ему утереться!

Довод весомый. Я и правда забыла сложить разбросанное на место, а Марино, видно, так спешил, что не убрал за собой сырые полотенца — мог бы хоть спрятать. Да и спорить с Маргарет бессмысленно. Незачем: правда на её стороне.

— Прости... Тогда позавтракаю в кофейне. Нельзя же пропускать такую важную часть дня, — криво улыбаюсь я, чтобы разрядить обстановку, и встаю. Маргарет только кивает, появивается несвежий фартук и берётся стряпать на себя и Луизу.

Выйдя из кухни, ловлю себя в зеркале. Ну нет, в таком виде из дома нельзя. Кудряшки спутались и потускнели, растеряв природный каштановый цвет; блузку и юбку и одеждой-то стыдно назвать — до того они истрепались после вчерашних скачек и падений.

У Маргарет, помнится, я держала пару лишних платьев и рубашек — всё то, чего не могла носить дома, где запреты матери всегда были выше моих желаний. Но теперь матери рядом нет, и надеть что-то ей наперекор кажется до странного заманчивым.

В комнате Маргарет натыкаюсь на спящую Луизу — она свернулась на раскладном диване. Бедняжка. Который год мучается от недосыпа и засыпает буквально на ходу. Однажды задремала прямо на зачёте, перед всей комиссией; хорошо, те сжалились и вывели «удовлетворительно», приняв её состояние за чрезмерное усердие. Хотя на деле она всю ночь перед зачётом грызла ногти и боялась даже открыть учебник.

Распахнув общий шкаф, не спеша перебираю вешалки. Синее платье Луизы в полоску, новый кардиган Маргарет, выторгованный со скидкой... О, моя жёлтая юбка — на одной вешалке с простой белой рубашкой. Ярко и славно, под стать редкому солнечному дню в Лондоне. А сверху накину кардиган Луизы, что висит по соседству, — уверена, она не обидится.

Минут через пять я готова покорять новый день. Наряд пришёлся по вкусу даже Маргарет, когда я вышла показаться. Особенно ейглянулся аккуратный пучок на затылке, что «открывает уши» и «подчёркивает линию подбородка». Гляжусь в зеркало, выискивая огрехи: в сотый раз оглаживаю складку на юбке, снимаю невидимый волосок с плеча, завожу за ухо непослушную прядь... Проходя мимо, Маргарет фыркает и хлопает меня по плечу.

— Вы безупречны, мисс, — с театральной ноткой произносит она. — Ступайте, не то мир так и не узреет вашей красоты.

— Ладно, ладно... иду, — отвечаю с улыбкой и распахиваю дверь квартиры. По ногам тянет прохладой подъезда, а от запаха свежей выпечки за соседней дверью желудок громко бурчит. Прохожу дальше, толкаю подъездную дверь — и в лицо бьёт свежий воздух. Туман ещё цепляется за карнизы, но уже редет, и с мостовой тянет сыростью, углём и лошадьми — обычным лондонским утром. Солнце ложится на щёки и греет их, а снующая толпа сама увлекает меня за собой. Ступаю под козырёк, притворяю дверь.

— Твою мать... убил бы, знай я, чьих это рук дело! — доносится возмущённый мужской голос.

— Разворотили ящики — инструмент, продукты... И что за шайка уродов это устроила? — вторит другой, посиплее.

Я отрываю взгляд от ступеней под ногами и вижу двоих мужчин в робах — они убирают деревянные ящики и обломки поддонов, бурча себе под нос и проклиная зачинщика беспорядка. В памяти тут же мелькают обрывки вчерашней ночи: моя лошадь влетает в эту самую стену из ящиков. Интересно, где она теперь...

Спустившись на улицу, сворачиваю налево и иду вместе с толпой. Лондон живёт своим чередом: местные мальчишки играют в догонялки с ватагой девчонок, пожилая пара чинит

вывеску швейной лавки, что-то бубня под нос, а три барышни у костюмной витрины обсуждают новые рубашки с жабо. Мимо, разбрызгивая лужи, катит двуколка, а из подворотни тянет жареными каштанами и угольным дымом. Мои ноги в кожаных сандалиях отстукивают шаг в такт сердцу. Мне и спокойно, и... чувство погони всё не отпускает. Провожая глазами случайных прохожих, а взгляд то и дело срывается за спину: подспудный страх увидеть там кого-то из родни идёт за мной по пятам от самого порога подруг.

И пока взгляд мой уходит за очередным прохожим, прямо под нос мне суётся серый козырёк. Сердце обрывается, руки трясутся, — но из-под кепки выглядывает веснушчатое мальчишеское лицо, и я выдыхаю. Передо мной юнец в сером картузе, потрёпанной бежевой рубашке и коричневых клетчатых штанах. Через плечо — тяжёлая сумка с нашивкой крупной газеты «Время», которая разом знает обо всех мелочах, что творятся в Лондоне. Мальчишка протягивает мне газету и улыбается щербатым ртом, в котором недостаёт клыка.

— Красивая тётя, возьмите газету! — говорит он, настойчиво суя мне свёрток.

— Почём свежие новости? — тянусь я к карману сумочки.

— Всего три пенни, — резво отвечает он.

Достаю кошель, вынимаю три монетки по пенни. Мальчонка выхватывает их из ладони и вкладывает взамен свежий свёрток, ещё пахнущий станком и типографией.

— Спасибо, красивая тётя! — прощается он и бежит дальше вприпрыжку, размахивая газетами и выкрикивая: «Свежий выпуск! Не пропустите!» Я улыбаюсь и иду своей дорогой, прижимая свёрток к груди и убирая кошель в сумочку. Почитаю потом.

Кофейня «Туман на рассвете» стоит рядом с моим колледжем и встречает меня звонком колокольчика. Дверь захлопывается за спиной, и в нос тут же ударяет запах свежемолотого кофе и румяной сдобы. За стойкой шипит и посвистывает медный кофейник, по низкому потолку плывёт пар, а в окно сочится жидкое утреннее солнце. Газета ложится на круглый столик под картиной с пшеничным полем и мельницей. Отодвинув деревянный стул с мягким сиденьем, я сажусь и жду официанта. Пока за стойкой решают, кому ко мне подойти, пальцы сами разворачивают газету.

В глаза бросаются кричащие заголовки. На первой полосе — главная сенсация дня: «Породистая белая лошадь найдена на улице у дома 17/5!» Взгляд бежит по строчкам, и сердце сжимается: «Дорогая кобыла учинила беспорядок близ дома 13/2 и своим ходом добрела до набережной, где рухнула со сломанной задней ногой между жилым домом 17/5 и цветочной лавкой. Свидетелей происшествия не установлено.»

— Девушка, — окликает меня официант с блокнотом и карандашом в руке; боже, я и не заметила, как он подошёл. — Я могу вам чем-то помочь?

— Да, мне... — тяну я, силясь на миг забыть о прочитанном. — Мне обычный чёрный кофе. И булочку челси... Две.

Парень кивает и неспешно уходит к кассе передать заказ. Переведя взгляд с него на газету, я откладываю её в сторону. Чёрт, бросила лошадь на произвол судьбы — а она теперь звезда новостей... Да и что мне было с ней делать? Спрятать в переулке, увести к Маргарет? Вздор. Маргарет и кошки-то дома не держит, какая уж лошадь. А в переулке кобыла едва ли достояла бы до утра. И что потом — продать? А ну как кто-нибудь свяжет это происшествие с домом Маргарет? Чёрт, я же так могу их подставить...

От тягостных мыслей меня отвлекает звон фарфора. Я вздрагиваю, когда на столик опускают блюдце с чашкой. Официант мило улыбается и уходит к другим столикам. Отодвинув газету, поддвигаю блюдце ближе. Первый глоток смывает тревогу бодростью. Нет, это не тот безупречный дорогой кофе, что подавали дома, — но именно поэтому чашка кажется особенной и... освобождающей.

После сытного завтрака лезу в кошель и кладу на стол ровно шесть пенни, не больше и не меньше. Сбережения мои не бездонны, а Маргарет, увы, изрядно их проредила. Поднявшись и

заткнув стул, я бодрее прежнего иду к выходу. Дверь провожает меня таким же звоном, каким и встретила. Выхожу на улицу и направляюсь к своей сокровищнице знаний — колледжу имени Мартина Бертон, а точнее, его филологическому отделению. Здесь я училась прежде, заводила друзей, делилась с ними переживаниями. Но часть тех разговоров утонула в деканате — там всерьёз обеспокоились домашней тиранией отца, и он, узнав об этом, забрал мои документы, оставив мне «учиться» дома.

Колледж встречает меня толчеей студентов и гулом голосов. Пахнет мелом, книжной пылью и мокрыми шинелями, а где-то наверху разногласно гудит лекция. Хотя с полудня прошёл всего час, молодёжь спешит на занятия, кто-то списывает за углом, пока преподаватель отвернулся к настенному расписанию. Ничего не изменилось даже за два года моего отсутствия. Жизнь всё так же шла и кипела.

— Мисс Уинтерборн? — раздаётся слева хриловатый голос. Обернувшись, я вижу декана нашего факультета. Клаус Шильдер всё ещё в расцвете сил: сюртук сидит на нём так же безупречно, зачёсанные назад волосы тронула седина у корней, а мелкие морщинки делают его лицо только добрее. — Это и вправду вы?

— Господин Клаус! — восторженно окликаю я, подбегая к нему. — Да, это я... Немного изменилась.

— Да вы худы и бледны! Всё ли хорошо? Не хвораете? — с тревогой спрашивает он.

— Нет, что вы, просто... Я хочу вернуться к учёбе, — и брови Клауса Шильдера удивлённо ползут вверх. Он почесывает затылок и вздыхает.

— Мисс Уинтерборн, это... хорошая новость, но... — голос его стихает, а взгляд уходит в сторону. — Ваш отец забрал документы — значит, придётся оформлять новые. Да и программа ушла вперёд, ваши знания...

— Мои знания не пропали даром, господин Клаус, — улыбаюсь я. — Я занималась дома. А документы восстановлю. И заплачу, если потребуется.

— Но ваш отец... — начинает Клаус, но я его перебиваю.

— Моего отца здесь нет. Есть я и моё намерение вернуться к учёбе, — отвечаю я со стальным стержнем в голосе. Клаус вздыхает, качает головой, но улыбка не сходит с его лица.

— Точно хотите именно на филологический? — вдруг спрашивает он. — Наш корпус объединили с художественным. Может, вас увлекает искусство?

— Филологический объединили с художественным? — переспрашиваю я, не веря. — А зачем?

— Набор студентов вырос. Да и с налогами так дешевле — земля, содержание здания, закупка оборудования... — перечисляет Клаус, но осекается, поняв, что сболтнул лишнее. — Впрочем, я вам этого не говорил.

— Хорошо, господин Клаус, — со смешком киваю я, а сама всё прокручиваю в голове его слова. Нет, не про налоги и набор, — про то, что два корпуса слили воедино. Помнится, вчера Марино обмолвился, куда хочет поступить. Интересно, сведёт ли нас судьба снова — или встреча и правда была единственной? Ответа у меня пока нет.

— Ладно, мисс Уинтерборн, — машет он рукой, посмеиваясь. — Будет вам место в нашем заведении. Только на пары не опаздывайте.

— Не буду! — бойко отвечаю я и направляюсь к выходу из колледжа.

По дороге домой меня не отпускает одна-единственная мысль: а вдруг он и вправду поступит на тот самый факультет, что слили с нашим? Да, мысль детская и наивная, но отчего-то внутри от неё что-то стучит. И под этот стук птичье пение звучит громче, облака кажутся выше, и даже тревога о семье отступает, уступая место новым чувствам — свободе, жажде жить дальше и... Нет. В этом я себе пока признаваться не готова. Да и не факт, что мы вообще встретимся снова.

Глава V. В двух шагах

Марино

Выхожу на улицу, тихо притворив за собой дверь. Солнце уже золотит крыши, в воздухе висит запах сырого камня и угля, и от него каждый вдох кажется свежее. Чемодан оттягивает одну руку, саквояж — другую. Город просыпается: люди высыпают из домов, заполняя улицы, — кто бубнит под нос про новые поручения начальства, кто жалуется на жалованье, а кто уже спешит по делам. А у меня в голове всё ещё звучит её голос: «нежеланный рот в доме». Почему меня так задели эти слова? Чёткого ответа нет. Может, во мне вскипели разом несправедливость и жалость к этой девушке. Беда ведь не в самой Беатрис, а в её родне — оттого она и сбежала из дому. Такая красивая леди — и пойти на такой риск...

Но сейчас не время грезить. Первую свою задачу я выполнил — переждал непогоду в тепле. Вечно уютиться по чужим углам нельзя, значит, нужен угол свой. Деньги в кармане есть, да только не те, за которые сдают жильё. Мне нужен банк и кассир, что уладит этот вопрос.

Впрочем, банк отыскался быстро. Свернув в пятый раз за угол, я упёрся в кирпичный монолит с крупными буквами «БАНК». Здание прямо-таки кричало о деньгах и бюрократии: мраморные колонны, стены из красного кирпича, за которыми дремлют горы монет и драгоценностей. Не знаю, как описать это чувство, когда нутром угадываешь в чём-то большую цену, — скажу проще: банк выглядел дорого. Стиснув ручку саквояжа, я тяжело выдохнул и вошёл внутрь.

Внутри оказалось... просторно и, что неудивительно для раннего часа, пусто. Мраморный пол ещё не истоптан чужими подошвами, скамьи для ожидания подёрнуты пылью, а сонные служащие за кассами лениво трут глаза и переговариваются вполголоса. Под высоким сводом гулко тонет каждый шаг, и где-то мерно тикают напольные часы. Я подхожу к первому окошку и вежливо стучу по дубовой стойке.

— Прошу прощения... — начинаю неуверенно. — Мне нужно обменять деньги.

Мужчина за стеклом поднимает на меня глаза и поправляет очки. Весь его вид говорит о солидном окладе: белая рубашка с щегольскими манжетами, приталенный жилет с шёлковым платком в нагрудном кармане, узкие брюки со стрелками.

— Какие деньги желаете обменять?.. — лениво тянет он.

— Итальянскую лиру, — я послушно достаю из заднего кармана кошель. Стоит пальцам положить купюры на стойку, как глаза банкира оживают и загораются.

— Две тысячи лир... — потрясённо, вполголоса произносит он. — С учётом комиссии и банковского процента... я могу дать вам целых шестьдесят пять фунтов стерлингов.

— А это много?.. — спрашиваю я с глуповатой усмешкой.

— Это примерно... годовое жалованье простого рабочего, — поясняет банкир, протягивая мне нужные бумаги. — На такие деньги можно не работать месяца четыре, а то и больше.

На лице у меня расцветает довольная улыбка. Охотно забираю купюры и уже собираюсь уходить, как в голову приходит новый вопрос.

— Извините, вы не подсказать... — оборачиваюсь я к банкиру. — Где мне снять приличное жильё?.. Желательно недалеко.

Мужчина трёт подбородок и на миг задумывается, подняв глаза к потолку.

— Ну, слышал я, что в доме 17/5 сдаётся хорошая мансарда... — договорить я ему не даю: выпаливаю вежливое «Спасибо, хорошего дня» и иду к выходу, уже думая о новом жильё.

Выхожу на улицу с тугим кошельком и лёгким сердцем. Улицы Лондона битком набиты народом, и теперь город кажется не враждебным, как той ночью, а... живым? Да, именно это слово — для утренней суеты. Он не пугает, а даже воодушевляет. Гремят по мостовой тележки молочников, где-то надывается шарманка, а из пекарни тянет тёплым хлебом. Я верчу голо-

вой, стараясь запомнить дорогу к банку, и налетаю на кого-то в толпе. Опустив взгляд, узнаю мальчишку-газетчика: он машет бумагой и вприпрыжку несётся дальше, лишь бы выделиться. Слов его в общем гуле не разобрать, и я решаюсь подойти — узнать, о чём он голосит.

— Эй, мальчик, — подзываю я его, протискиваясь сквозь толпу. Юнец оборачивается и сжимает газету чуть крепче. — Чего кричать на всю площадь?

— Так новости ж свежие! — с задором отвечает он.

— И что же нового? — пытаюсь вытянуть из него побольше, держа тот же тон.

— Ну... дорогую лошадь нашли у цветочной лавки, закрылся оружейный склад возле полицейского департамента, колледж имени Мартина Бертона слил филологический факультет с художественным... — пока он тараторит газетные заголовки, я цепляюсь за последний и делаю вывод: мне нужно в этот колледж Бертона.

Услышав достаточно, я делаю шаг в сторону и огибаю мальчика, растворяясь в толпе. Тот пытается за мной поспеть, но теряется и кричит вслед: «Э, а купить газету?!» Уголок моих губ дёргается в усмешке. Эх, Марино, хитрый же ты лис. Но мысль о том, что я выудил у газетчика нужные вести, сменяется новым планом — подать документы в тот самый колледж. А помимо неё есть и другая: Беатрис может учиться там же, на филологическом. Не знаю отчего, но от этой мысли сердце бьётся быстрее, а глупая улыбка становится шире. Неужели мы можем встретиться при иных обстоятельствах?..

Ноги несут меня по улицам, глаза выхватывают указатели — да только нужное здание всё не находится. Пока я торчу у очередного указателя, гадая, вправо мне или влево, в меня плечом врезается прохожий.

— Смотри, где стоишь! — бросает он, сплёвывая в сторону.

— Я не хочу вам мешать, — оправдываюсь я с глуповатой улыбкой. — Просто не понять, как дойти до колледжа Бертона и...

— Студент? — спрашивает незнакомец, поправляя воротник пиджака. — Колледж имени Мартина Бертона — возле кофейни «Туман на рассвете». — Он машет рукой вправо. — Вон в ту сторону. Не пропустите.

Не дождавшись благодарности, он разворачивается и уходит, оставив мне ориентир. Народец здесь всё же со странностями — но попадаются и те, кто готов протянуть руку.

Кивнув прохожему вслед, иду в указанную сторону и никак не могу перестать вертеть головой. После переезда всё кажется чужим и ненастоящим. Дома жмутся тесно, но в узких улочках есть свой шарм: над головой провисают общие бельевые верёвки, соседи переговариваются из окна в окно. Торговцы в лавчонках улыбаются мне, да и прохожие, отмечая взглядом «чужака», кивают приветливо. А когда впереди показывается та самая кофейня «Туман на рассвете», сердце захватывается от восторга.

Здание колледжа кажется мне ярким пятном посреди всей картины. Целый комплекс в три этажа, между корпусами снуют мои ровесники, — он больше похож на научный центр, чем на простое училище. Бурый кирпич, на мой вкус, отдаёт стариной; колонны и фрески рассказывают историю заведения, а сад — с затейливой россыпью роз и орхидей... Не припомню, чтобы видал такие раньше.

В общем и целом колледж имени Мартина Бертона кажется мне местом вполне симпатичным. Меня всегда тянуло туда, гделюдно, — там прячется пропасть разных характеров. Помнится, в Риме я так свёл знакомство с неприметным парнем по имени Лука, что вечно шаркался собственной тени. А на деле он оказался человеком приятным, из семьи виноделов.

Иду по каменной дорожке и ловлю на себе взгляды студентов. Будущие сокурсники жадно меня разглядывают — без тени насмешки или угрозы, скорее с простым любопытством к кудрявому, светловолосому и голубоглазому чужаку. Кто-то шепчется мне вслед, кто-то приветливо машет, а кто-то лишь хмыкает и кивает.

Дойдя до главного здания — самого широкого, с эмблемой колледжа на фасаде, — распахиваю двери. Хоть время и близится к полудню, народу тут немного: у дверей лекционных залов кучкуются студенты, дожидаясь звонка. С одним из парней мы встречаемся взглядами, и он мне кивает.

— Тебе чего? — беззлобно спрашивает он. Парень моих лет держится развязно: рубашка растёгнута, белая майка, сильно подтянутые брюки — даже носки видать. Сам румяный, худой, с рыжими растрёпанными вихрами.

— Я искать деканат художественного факультета... — оглядываю полупустой коридор. — Хотеть подать документы.

— О, брат по ремеслу! — восклицает он, отходя от своей компании и протягивая руку. — Я Томас, второй курс художественного. С чего это ты в краски подался?

— Да меня всегда тянуть к кистям, — с улыбкой жму руку новому приятелю. — Меня звать Марино Боргезе. Я из Рима.

— О, итальянец! — удивлённо восклицает Томас. — Не часто здесь встретишь таких пташек... Но не суть. Тебе декан нужен? Его зовут Лютер Папанелли, кабинет на втором этаже, прямо у лестницы.

Томас кивает мне на прощание и возвращается к приятелям, а я гляжу на лестницу и думаю: всего один пролёт отделяет меня от мечты учиться на художественном. С этой мыслью гордо поднимаюсь, волоча за собой саквояж и чемодан. Каждый шаг отдаётся в висках. Нервничаю ли я? Ещё бы.

Одолев ступени и собственное волнение, я останавливаюсь перед дубовой дверью с табличкой «Декан художественного факультета Л. Папанелли». Глупо усмехнувшись занятой фамилии, тяну руку и неуверенно стучу трижды.

Тук-тук-тук.

— Да-да? — доносится с той стороны. — Войдите!

Резко выдохнув, открываю дверь и вхожу. Кабинет встречает меня большим окном со светлым небом за ним. Комната небольшая, но обставлена практично: у окна — массивный деревянный стол, по бокам два пыльных стеллажа, заваленных книгами и бумагами, а в углу — уютный диван с клетчатым пледом. Лицом ко мне сидит тот самый Папанелли — седой, чуть грузный мужчина в летах: белая рубашка в чёрную полоску, малиновый жилет, коричневые брюки. На спинке его кресла я замечаю длинный сюртук, с виду весьма недешёвый.

— Чем могу помочь, милейший? — с любопытством спрашивает он, откладывая бумаги и косясь на мой чемодан с саквояжем. Надоело же их таскать.

— Я хотеть подать документы на ваш факультет, — спокойно тяну я, подходя ближе к столу.

— Прекрасно! У нас как раз набор, — он хлопает в ладоши и вытаскивает из стола свежую кипу бумаг. — Могу узнать ваше имя и фамилию?

— Марино Боргезе, — отвечаю, и глаза Папанелли слегка... загораются. Он поднимает на меня взгляд и складывает руки на столе.

— А родом вы откуда?.. — с некоторой опаской осведомляется он.

— Из Рима, столицы Италии... — тяну я неуверенно: от таких настороженных вопросов немного не по себе. — Что-то не так?..

Но через секунду Папанелли смахивает бумаги со стола обратно в ящик и откидывается в кресле, широко и довольно улыбаясь.

— Вы приняты, молодой человек! — объявляет он. — Приходите завтра на экзамен: комиссия оценит ваши знания и определит вас в группу.

Больше не говоря ни слова, выхожу из кабинета. Дверь за мной защёлкивается, воздух медленно выходит через нос. Трудный, казалось бы, разговор с таким серьёзным человеком, как декан, уложился в несколько секунд. Даже не верится. Хотя, если подумать, догадаться

нетрудно, почему господин Папанелли решил так быстро: им нужен набор, он сам сказал; а стоило до его ушей долететь слову «Рим», как он тут же отбросил бумаги и бюрократию. Итальянец-художник — редкая диковина, яркое пятно для факультета. Может, тут и нотка соперничества между деканами, но это уже политика и чужие интересы.

Мне же важно одно: приняли без лишних хлопот, велели лишь сдать экзамен в пятницу. Стиснув ручки чемодана и саквояжа, спускаюсь по ступеням с последней на сегодня задачей — добраться до дома 17/5 и получить ключи, заплатив за жильё.

Спустившись и выйдя на улицу, неспешно бреду по каменной дорожке прочь с территории колледжа. Оборачиваюсь напоследок — и в голове встаёт картина будущей учёбы: шумная компания, общие проекты, выступления, фестивали. Такая сторона обучения мне по душе.

Иду по улице, придирчиво высматривая номера домов. Больше двигаюсь по наитию, оттого номера скачут то вверх, то вниз. Но слепые блуждания в конце концов приводят меня к пятиэтажному дому с той самой жилой мансардой. Снаружи он изрядно обветшал: краска сползает со стен, оголяя кирпич, наличники кое-где рассохлись, а пара стёкол на первом этаже и вовсе выбита. Наверное,делки местной ребятни, не более.

Встряхнув затёкшей рукой с чемоданом и саквояжем, трижды стучу в подъездную дверь. За ней слышится возня, и я делаю шаг назад. Стоит каблучку стукнуть по камню, как дверь распахивается, и на пороге встаёт женщина в синем халате. Её серые глаза проходятся по мне так, как смотрит полицейский на подозреваемого.

— Вы кто? — спрашивает незнакомка, свободной рукой заправляя спутанную рыжую прядь.

— Я искать жильё, — стараюсь звучать уверенно, хотя внутри уже закрадывается сомнение: хочу ли я жить в этом доме при такой хозяйке. — Мне сказать, тут сдавать мансарду... Актуально?

Женщина ещё пару секунд буравит меня взглядом, потом расслабляет плечи и приваливается к косяку.

— Да, актуально, — голос её смягчается, теряя стальную нотку. — Меня зовут Жаннет Палмер. А вас?..

— Марино Боргезе, — отвечаю я, кивнув.

— Условия простые, Марин, — начинает Жаннет, вытаскивая сигарету из кармана халата. Она что, держит сигареты в халате? И почему укоротила моё благородное имя до какого-то «Марин»? — Платишь вовремя, не заводишь животных и не пиликаешь на скрипке. Идёт?

— Я не скрипач, а на кошек у меня аллергия... — пытаюсь я обратить всё в шутку и в итоге киваю. — Да, согласен. Только... могу я заплатить вперёд, за несколько месяцев? Скажем... на полгода?

Глаза Жаннет округляются до размеров пенни.

— Тогда с вас десять фунтов, Марин, — она протягивает руку под скромную пачку денег. Я торопливо хлопаю себя по карманам, нахожу кошелек и отсчитываю ровно десять бумажек по фунту. Приняв их, Жаннет поджимает губы и одобрительно кивает. — Уверена, мы с вами поладим, Марин.

— Не сомневайтесь, Жаннет, — с лёгким смешком. Втаскиваю чемодан в подъезд и гляжу на лестницу, что ведёт в мою мансарду. Осталось лишь обжить собственное гнездо и как-то приноровиться жить среди людей, которые не терпят ни зверья, ни скрипки.

За окном где-то лают собаки и стучит по мостовой мальчишеский мяч, а мысли мои, освободившись от списка дел, снова заполняются ею. Образ Беатрис никак не идёт из головы, и внутри теплится маленькая надежда: наши судьбы ещё сплетутся в этом городском потоке — стоит только взглянуть на него с другой стороны.

Глава VI. Слухи и перекличка

Беатрис

Пасмурное утро пятницы встречает меня тупой головной болью. Стоит открыть глаза, как виски начинает ломить — будто по ним бьют молотком. Видимо, вечернее сидение за книгами не довело до добра. Я пыталась нагнать программу, повторить хоть часть пройденного; Маргарет даже уговаривала меня лечь, но я всё отнекивалась и листала конспекты да учебник. Правду говорят: чем меньше знаешь, тем крепче спишь.

Подняв ватное тело с кровати и сунув ноги в тапочки, кутаюсь в лежащий рядом плед. Хлопковая ткань приятно обнимает плечи, согревая в прохладной комнате. Подхожу к распахнутому настежь окну, затворю его и медленно бреду в общий коридор.

Свернув из коридора на кухню, вижу, как Маргарет опять хлопочет у плиты, а дверь в ванную закрыта. Добравшись до ближайшего стула, плюхаюсь на него и зеваю, не прикрывая рта.

— И зачем меня слушать... — бубнит хозяйка квартиры, что-то жаря на плите. — Можно ведь упереться в книгу и пропустить всё мимо ушей...

— А ты с утра пораньше ворчать принимаешься... — тихо огрызаюсь я, поправляя под собой плед.

— Легла бы вовремя — не бубнила бы! — на полтона повышает голос Маргарет, крепче сжимая ручку сковороды. — Да и вид у тебя был бы не такой убитый...

— Зато я всё вспомнила... — шепчу я.

— Твоя правда, — Маргарет гасит огонь и переставляет сковороду на соседнюю конфорку — остывать. — Умоешься прохладной водой — станет легче. А поешь — и вовсе полегчает.

— Луиза давно в ванной? — интересуюсь я с лёгкой усмешкой.

— Минут десять, — тянет Маргарет и вздыхает, скрестив руки на груди. — И что там можно делать так долго?..

На справедливый вопрос подруги я только пожимаю плечами и прислушиваюсь к журчанию воды за дверью. Луиза там явно развернула бурную деятельность: поёт, что-то двигает, то пускает, то перекрывает воду. Вскоре замок щёлкает, дверь распахивается — и Луиза, окутанная лёгким паром, смаргивает влагу с ресниц и садится рядом, кладёт руки на стол. Такая же сонная, как всегда, но после горячего душа чуть бодрее.

Приведя себя в порядок и знатно позавтракав стряпнёй Маргарет, стою у зеркала в своей комнате. Те же веснушки, те же каштановые волосы... но почему-то девушка в отражении улыбается. И в улыбке этой сквозит какая-то надежда. Кажется, я уже решила для себя, что встреча с Марино была случайностью, мимолётной божьей волей. И всё же его записку до сих пор храню в нагрудном кармане рубашки. И всё думаю: а вдруг он поступит на художественный, который слили с нашим факультетом? Думаю — и не верю ни грамма собственных мыслей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.